

фразе, автор сосредоточивается на обличении Константина VI, этого “злого корня”. Выходит, основная вина Михаила в глазах Феодора в том, что он взял себе жену с плохой родословной. Между тем, Евфросинья и ее мать Мария были как раз главными жертвами, а отнюдь не соучастницами “злодейств” Константина. Любители верить источникам на слово обязаны будут в данном случае заключить, что, по мнению Феодора, грехи передаются по наследству и дети отвечают за преступления родителей, даже если они никак в них не замешаны или, более того, пострадали от них. Отсюда уже недалеко до прямой ереси. Однако несколько менее предвзятый историк может предложить иное, достаточно убедительное объяснение⁴. В борьбе между клановыми группировками византийской аристократии Феодор Студит занимал весьма четкую позицию. Он представлял интересы той группы, которая была оттеснена от власти при императоре Никифоре, отчасти вернула себе влияние при Михаиле I и одержала полную победу при Льве V Армянине (именно так, ярый иконоборец Лев и защитник Православия Феодор в системе клановых взаимоотношений принадлежали к одной и той же “партии”). Поскольку Михаил II по обстоятельствам своей

карьеры был также связан с представителями данной группировки (Вардан Турок, тот же Лев Армянин), Студийский игумен вместе со значительной частью византийской знати ожидали, что новый император сохранит политическую ориентацию Льва, но без его иконоборческих эксцессов. Михаил же своей женитьбой на Евфросинье недвусмысленно продемонстрировал, что будет опираться на противоположную группировку. Вот это и вызвало столь сильный гнев Феодора, заставивший его применить аргументы, мягко говоря, сомнительные в догматическом отношении.

В заключение хотелось бы высказать одно субъективное мнение. На мой взгляд, читать византийские источники также и “между строк” совершенно необходимо уже хотя потому, что их авторы, насколько можно судить, вкладывали в свои сочинения гораздо больше информации, чем это представляется при поверхностном чтении. Конечно, мы никогда не сможем расшифровать всего, что предназначалось только для посвященных, но это не значит, что не нужно и пытаться. И чем меньше у исследователя будет априорных ограничений, тем плодотворнее будут такие попытки.

Д.Е. Афиногенов

Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М.: Изд-во “Индрик”, 1997. 221 с.

Книга Д.Е. Афиногенова посвящена одному из наиболее сложных и запутанных периодов византийской истории вообще и истории византийской церкви в частности, “героической эпохе”, когда византийской церкви в лице ее выдающихся патриархов свв. Тарасия, Никифора и Мефодия удалось, в ожесточенном единоборстве с представителями “второго иконоборчества”, не только отстоять позиции православия, но и покончить с иконоборческой ересью, что оказало поистине судьбоносное воздействие на последующее развитие всего восточнохристианского мира. Автора при этом, как мне кажется, интересуют даже не столько события этой борьбы сами по себе, но их богословско-догматическая интерпретация как таковая, сколько те тексты, в которых эта борьба запечатлелась, их качество как источников по истории событий “непреходящего значения”.

Объем проделанной молодым исследователем работы впечатляет: изучен весь обширный комплекс относящейся к делу житийной литературы, эпистолография и хронография того времени, принята во внимание большая исследовательская литература по данной теме, в том числе основополагающие труды Гуйара, Джероу, Шпека и др. Работу пронизывает стремление автора избежать “опасных методологических ловушек, способных сделать беспредметным любое концептуальное утверждение” (с. 8, 133), преодолеть “чрезмерную приверженность предвзятым концепциям, которые давно пора радикально пересматривать” (с. 87), пересмотреть устоявшиеся представления, невзирая на авторитеты (на страницах книги достается немало таким известным исследователям, как Бек, Дворник, Грюмель, Александер, Дагрон), противопоставить “традиционной интерпретации свежий взгляд” (с. 49). И

⁴ Подробное обоснование для периода до 820 г. см. в работе: Turner D. The Origins and Accession of Leo V (813–820) // *JOB*. 1990. 40. P. 171–203. Мною собран дополнительный материал, подтверждающий эту концепцию, который будет представлен в статье о Михаиле II.

надо признать: во многих случаях подобное стремление представляется оправданным, а выводы, к которым в результате анализа материала источников приходит автор, действительно, как он сам выражается, “далеки от общепринятых” (с. 48).

Монография изобилует примерами вдумчивого анализа структуры и языка рассматриваемых текстов, весьма тонкими наблюдениями в деле обнаружения интерполяций, органическим соединением исторической методологии с филологической (*expresses verbis* этот метод охарактеризован автором на с. 155). Бросается в глаза добротность переводов, в том числе и таких темных текстов, как послание патриарха Мефодия патриарху Иерусалимскому, которое, пользуясь приведенными в книге словами Питры, “толковать в пору самому Эдипу” (с. 93). Результативным оказывается и широко практикуемый Д.Е. Афиногеновым метод сопоставления разных версий того или иного события.

Очень интересно охарактеризованы события, связанные с “легитимизацией” императрицы Ирины, с зарождением легенды о патриархе Германе. Остроумным представляется объяснение огромного числа жертв (20 тысяч по житию Мефодия) и истинного смысла “великой чистки” в рядах византийского духовенства, которую осуществил патриарх Мефодий (с. 88 сл.). Убеждает (по крайней мере автора этих строк) интерпретация Д.Е. Афиногеновым событий, связанных с присягой императора Льва V (с. 62–63), с рождественской аудиенцией у царя в 814 г. (с. 67–68). Очень важным является его наблюдение о зарождении в Византии, вопреки утверждению Ж. Гуяра, идеи о том, что и император мог быть анафематствован за иконоборческую ересь (с. 110). Логичным и вытекающим из рассмотренного автором материала представляется и главный результат исследования, а именно: трактовка иконоборчества как “покушения на церковь со стороны императорской власти” (см., например, с. 125, 126), хотя как раз этот вывод, по видимому, не отличается особой новизной и, боюсь, не покажется вполне убеждающим для кого-то из специалистов: очень уж много во всем этом остается “между строк”. Для меня лично важность исследования Д.Е. Афиногенова заключается, помимо всего прочего, и в том, что в результате проведенного им исследования деятельности выдающихся православных патриархов Тарасия, Никифора и особенно Мефодия становится понятным и закономерным появление мону-ментальной фигуры Фотия с его идеями о

строгом разграничении полномочий императорской власти и власти патриарха, с его ясно выраженным стремлением ограничить власть императора рамками βασιλεία и ограждать от ее посягательства церковную сферу, возвысить и эмансипировать власть патриарха, придав ему своего рода папский статус.

К сожалению, не обошлось в книге Д.Е. Афиногенова и без издержек. Порою с присущим молодости максимализмом, гиперкритицизмом, а иногда в “додумывании” за своих героев мотивов их действий (чаще всего они объясняются “пропагандистскими намерениями”, недаром выражениями типа “пропагандистская тенденция”, “пропагандистская модель”, “пропагандистское клише”, и т.д., буквально уснащена вся работа) автор явно “перегибает палку” (например, во всех действиях и во всем поведении императрицы Ирины Д.Е. Афиногенов усматривает “пропагандистский козырь”, видимо, полагая, что Ирина с самого начала поставила перед собой задачу “стать святой”). При том, что реконструкция действительных решений собора 809 г. выглядит убедительной (см. с. 50–61), у автора ощущается недостаточное знание памятников византийского права, в том числе и тех, которые появились в рассматриваемое время. Не восходит ли, например, к возникновению “михианской схизмы” включение в Частную Распространенную эклогу неясной по своему происхождению нормы о признании ухода в монастырь в качестве причины для расторжения брака (ЕРА. II.16, 19)? Или: что за “царский закон” имелся в виду, перед которым, по постановлению иконоборческого собора 754 г. (если верить “Опровержению” его на VII Вселенском соборе), должен был отвечать “осмелившийся изготовить икону, или поклониться таковой, или поставить в церкви, или в частном доме, или спрятать ее” (с. 29)? Эклога, во всяком случае, в виду не имеет, ибо в ней нет подобной нормы. Важное наблюдение об определении природы власти в III Антирретике патриарха Никифора (“царская и императорская власть не обязательно даруется непосредственно Богом – она может иметь такой вполне земной источник как мнения толпы”) уместо было бы сопоставить с похожими определениями власти с фотиевой “Исагоге” и т.д.

Не премину указать также на одну непосредственность автора: отметив на с. 128, что ни одна возможность высказаться по адресу императоров-еретиков не использована Феодором Студитом, Д.Е. Афиногенов цитирует на с. 130 одно из писем Феодора, где тот

недвусмысленно подчеркивает, что ересь эта имеет одно оружие – власть, и если той не будет, и она без труда прекратится” (ἐν ὄπλῳ κτωμένη, τὴν ἐξουσίαν ἢ ἀναρρομένης ἀκαμάτως συναναρεθῆσεται καὶ αὐτή). Не думаю, что ἐξουσία здесь означает нечто иное, нежели власть императоров.

Осмелюсь вторгнуться и в наиболее сильную сторону исследования – в качество переводов. При том, что, как я уже отметил, они вполне добротны, встречаются и огрехи: в цитате из Феодора Студита о противопоставлении праведного Рима порочной Византии важно было перевести глагол πλεονάζει не прошедшим временем (“здесь, похоже, преумножилось безверие и беззаконие” – с. 130), а именно настоящим – “множится”, “изобилует”; в гл. 6 Жития Никиты Мидикийского (с. 158) правильно, по-видимому, будет не “он сеял не их на дороге”, а “он сеял их не на дороге” (т.е. как разъясняется дальше, “на поверхности разума, чтобы их топтали”); выражение οἱ κοσμοὶ ἀρχόντες лучше переводить не “мирские начальники” (с. 30, 120), а просто “светские власти” (Грозняк, посвятивший этому выражению специальный экскурс в своей книге о VII Вселенском соборе, подчеркивает, что под этим выражением имелись в виду “все без исключения носители светской власти, включая и императоров, хотя прямое указание на них было, конечно, невозможно”¹; усматриваю неточность в переводе 3-го канона того же VII Вселенского собора (с. 30): слова “да будет низложен и отлучен, и все имеющие с ним общение” точнее перевести так: “да будет лишен сана”, и далее “да будут отлучены и те, кто с ним связан” (технический термин καβαίρεσις) и производные от него означают именно лишение сана; мне кажется, так и надо переводить вместо повсюду автором предпочитаемого “низложение”; соответственно ἀφορισμός означает отлучение от церкви.

И наконец, еще одно место в книге прямо-таки поставило меня в тупик. В приложении

Д.Е. Афиногенов издает текст такого интересного и важного памятника как Слово патриарха Мефодия о святых иконах, причем в греческом подлиннике по синодальному списку (л. 182–188) и в своем переводе (с. 189–195) – честь ему и хвала за это, но... Я, конечно, не выверял изданного автором греческого текста целиком, как и не сверял целиком оригинал с переводом. Но одну главу (седьмую), воспроизводящую почти целиком 82 канон пято-шестого (т.е. Трулльского) собора о святых иконах с изображением Агнца я имел возможность выверить по “каноническому” изданию актов этого собора (изд. Иоанну). Мое подозрение оправдалось: хотя предложенный Д.Е. Афиногеновым перевод правилен, он соответствует не издаваемому им тексту синодального списка, который явно содержит в данном тексте глубокоулырочу текста (προϋπερβαίνω вместо προῦποβαίνω – τοὺς παλαίους νόμους вместо τοὺς παλαίους τύπους несогласование τοῦ ἀπροντος ... ἀμύδον Χριστοῦ τοῦ θεοῦ вместо нужного τοῦ ἀπροντος ἀμύδου Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἀντὶ τοῦ παλαίου νόμου вместо ἀντὶ τοῦ παλαίου τύπου, не считая других, более мелких различий), а именно тексту канона в издании актов Трулльского собора. В чем тут дело, я затрудняюсь ответить. Во всяком случае, этот пример лишний раз показывает, как опасно издавать какой-то греческий текст по одному списку.

В заключение хотелось бы отметить, что книга Д.Е. Афиногенова – замечательное, будоражащее (отсюда и “придирки”) произведение, которое несомненно должно быть признано вполне оригинальным и глубоко самостоятельным исследованием. В нем изучен и осмыслен богатый источниковый материал, содержится множество весьма пронизательных авторских наблюдений и уточнений, пересматривается и корректируется ряд распространенных в современной историографии представлений.

И.П. Медведев

La Vie d'Étienne le Jeune par Étienne le Diacre. Introduction, Édition et Traduction Marie-France Auzépy / Birmingham Byzantine and Ottoman Monographs 3, Variorum, 1997

Все большее количество византийских агиографических произведений переиздается и комментируется в последние годы. Наступила, наконец, очередь и “Жития Стефана Нового”, написанного, по всей видимости,

тезкой святого Стефаном Диаконом. Трудно переоценить важность такого издания, ведь произведение это – не только богатый источник по истории первого периода иконоборчества, но и весьма значительный историко-

¹ Τριμανοῦ Σπ. ‘Η Ζ’ οἰκουμένη κὴ σύνοδος καὶ τὸ νομοθετικὸν αὐτῆς ἔργον. Ἀθήναι, 1989. Σ. 18.